

ХРОНОТОПЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ФОРМАХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Пространственно-временная структура относится к содержательным категориям текста [1, с. 81] и представляет собой сегмент семантики, который отражает пространственные и временные параметры (т. е. структуру и динамику) представленной в тексте модели действительности. Пространственно-временная (далее П-В) структура в тексте является сложным образованием и обычно состоит из нескольких сегментов, отображающих пространственные и временные параметры одного референтного центра. Эти конституирующие элементы П-В структуры текста мы, следуя бахтинской традиции, называем хронотопами [2]. Исследование П-В структуры текста и отдельных хронотопов включает в себя анализ П-В маркеров, состава субъектов текста и видовременной отнесенности предикатов, а также интегративных отношений, в которые все эти средства вступают в тексте [1, с. 36; 3, с. 48].

В художественном тексте видовременные формы не относятся к ядру поля темпоральности [Там же, с. 101–102], тем не менее, между хронотопами, основанными на формах настоящего и на формах прошедшего времени прослеживаются определенные различия, которым и посвящена данная статья. Некоторые параметры нашего сравнения относятся к рассказам целиком, другие – к отдельным хронотопам. Взаимодействие этих разноуровневых характеристик позволяет выявить определенные закономерности функционирования видовременных форм в художественном тексте и формирования дополнительных смыслов произведения.

Проанализировано 10 художественных рассказов, 4 из которых обнаруживают хронотопы, образованные формами настоящего времени (табл. 1), при этом два рассказа ориентированы на настоящее время полностью, а два частично, в сочетании с хронотопами прошедшего времени. Всего в 10 рассказах обнаружено 30 хронотопов, 9 из них (т. е. 30 %) основаны на формах настоящего времени. Для сравнения приведем распределение глагольных форм в рассказах с хронотопами прошедшего времени (табл. 2).

В этих шести рассказах большинство глаголов употребляются в формах прошедшего времени, настоящее и будущее встречаются, в основном, в прямой речи персонажей.

Т а б л и ц а 1

Распределение видовременных форм в рассказах
с хронотопами настоящего времени

Рассказ, герой	Время		
	прошедшее	настоящее	будущее
«Hammam», Carmen, Heather, Rob, they	42 (<i>met, used to drive</i>)	288 (<i>feels, says</i>)	15 (<i>will go, is going to be</i>)
«Where I work», I	8 (<i>forgot</i>)	68 (<i>can sew, live</i>)	36 (<i>'ll miss</i>)
«The prophet from Jupiter», I	44 (<i>moved, opened, had never heard,</i>)	62 (<i>live, start, throw, am grooming</i>)	7 (<i>'ll meet, shouldn't expect</i>)
«Salem», I	91 (<i>had made, went</i>)	109 (<i>sit, am watching</i>)	6 (<i>will keep</i>)

Т а б л и ц а 2

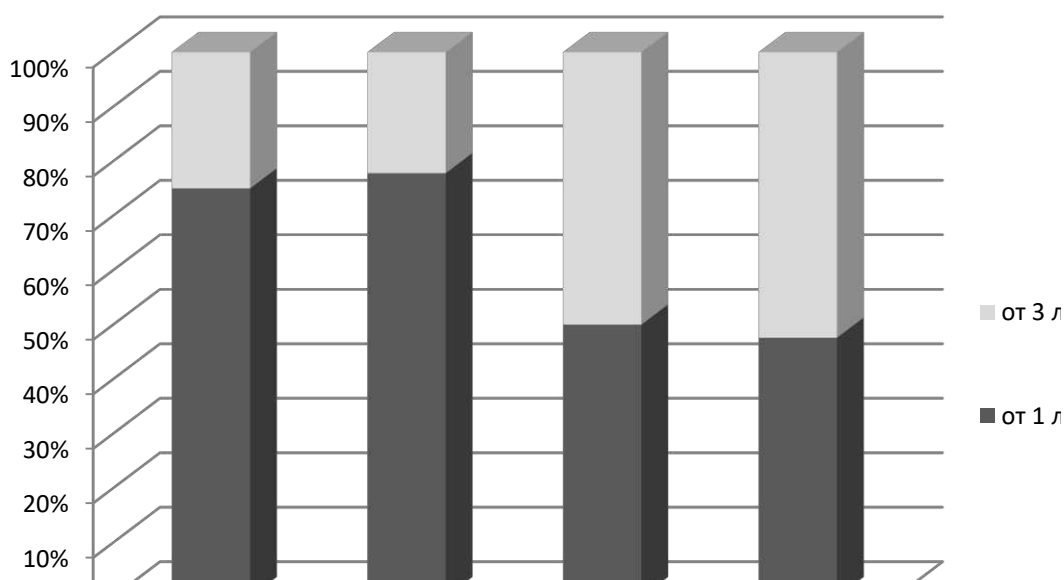
Распределение видовременных форм в рассказах
с хронотопами прошедшего времени

Рассказ, герой	Время		
	прошедшее	настоящее	будущее
«Phoenix, Arizona», Thomas, Victor	286 (<i>said, asked, followed, jumped</i>)	55 (<i>think, drive, need, is flying</i>)	6 (<i>am/are going to, should drive</i>)
«Pipa's story», I, mother, Wen	399 (<i>had grown, sighed, unbraided</i>)	99 (<i>promise, leave, clean, remember</i>)	25 (<i>will send, will keep, will forget</i>)
«In the gloaming», Janet, Laird	273 (<i>had pinned, shrugged, laced</i>)	130 (<i>remember, feel, suppose, know</i>)	9 (<i>will call, wouldn't want</i>)
«From Shanghai», I, my family, Hugo	247 (<i>traveled, chatted, appeared</i>)	13 (<i>see, mean, are, cannot, rolls, want</i>)	2 (<i>is going to, am going to</i>)
«Melungeons», Goins, Desser	234 (<i>watched, jerked, shrugged</i>)	72 (<i>don't let, ain't, can say, know, are</i>)	3 (<i>'d cuss, 'll be, when... gets</i>)
«We didn't», I, you	209 (<i>slid, wiped</i>)	22 (<i>feel, remember</i>)	—

Преобладание глагольных форм настоящего времени в рассказе обеспечивает общую направленность текста на настоящее, следование за героями,

кинопоказ, своеобразное вовлечение читателя в П-В структуру текста. Адресат погружается внутрь ситуации, имеет возможность следовать за малейшими действиями персонажей, как физическими, так и психологическими. Ситуация развивается прямо на глазах у читателя, формы настоящего времени создают впечатление того, что финал неизвестен, поддерживают чувство беспокойства и тревожного ожидания. Воздействующий потенциал П-В структуры проявляется уже в этой общей направленности текста на настоящее.

Интересна корреляция между соотношением типов повествования в рассказе и количеством физических и психологических хронотопов настоящего времени. Чаще всего формы настоящего времени в художественном тексте относятся к плану персонажей [3, с. 53]. В исследованных рассказах это не диалоги, а повествование от первого лица – в 3 рассказах из 4, т. е. 75 %. В четвертом рассказе («Намтам») повествование ведется от имени всезнающего рассказчика, который всюду следует за своими героями и имеет доступ к их внутреннему миру. В то же время 7 из 9 обнаруженных хронотопов настоящего времени (77,8 %) являются полностью либо частично психологическими. Представляется, что направленность на настоящее чаще используется при повествовании от первого лица для более глубокого проникновения в психологический хронотоп, чтобы заставить читателя сопровождать каждое движение во внутреннем мире героев, пережить то же, что переживают они. Во всех этих рассказах объемлющим хронотопом является внутренний мир героя, т. е. все остальные хронотопы мы видим его глазами, в преломлении его восприятия. Для сравнения, среди хронотопов прошедшего времени 10 из 21 (т. е. 47,6 %) являются полностью либо частично психологическими. При этом в трех из шести рассказов, основанных на хронотопах прошедшего времени, повествование ведется от первого лица (50 %), в трех оставшихся – от третьего лица (рисунок).

Соотношение типов повествования и типов хронотопа, в рассказах, основанных на формах настоящего и прошедшего времени

Еще один параметр для сравнения – модели взаимоотношений между субъектами (героями рассказа). Три основных модели, обнаруженные в рассказе, можно схематично представить следующим образом: единичный субъект (S), единство субъектов (S + S), противостояние субъектов (S vs. S). Вариации схем взаимодействия многочисленны (например, (S vs. S) + S, S vs. коллективный S), однако все они сводятся к трем вышеприведенным основным моделям (встретился и один объектоцентричный хронотоп). В рассказе эти модели выделяются не в целом тексте, а именно в хронотопах, и смена модели происходит чаще всего (но не всегда) при переходе героев из одного хронотопа в другой. Количество противостояний и единичных субъектов в хронотопах настоящего и прошедшего времени различается несущественно. Разница становится очевидной при попытке сравнить количество случаев единства (S + S) и смены модели (S vs. S → S; S + S → S) в рамках одного хронотопа (табл. 3). Единство субъектов обнаружено в 1 хронотопах настоящего времени из 9 (11 %), в то время как в хронотопах прошедшего времени такая модель наблюдается в 6 случаях из 21 (28,6 %). Смена модели в рамках одного хронотопа происходит в 2 хронотопах настоящего времени (22 %) и только в одном хронотопах прошедшего времени (4,8 %). В хронотопах настоящего времени оба случая перехода имеют модель S vs. S → S, т. е. происходит переход от противостояния субъектов к единичному субъекту. В обоих случаях это примирение главного героя с антагонистом, в первую очередь, благодаря внутренним процессам в психологическом хронотопах персонажа. В хронотопах прошедшего времени это модель S + S → S, потеря единства и сожаление героя об этой потере. Таким образом, хронотопы, основанные на формах настоящего времени, реже отображают единство персонажей, но чаще включают в себя смену моделей взаимодействия персонажей, обеспечивают динамику развития сюжета.

Т а б л и ц а 3

Распределение моделей взаимодействия персонажей
в хронотопах настоящего и прошедшего времени

	S vs. S	S+S	S	O	Смена модели
Хронотопы наст. времени	33,3 %	11 %	33,3 %	–	22 %
Хронотопы прош. времени	23,8 %	28,6 %	38 %	4,8 %	4,8 %

С предыдущим показателем соотносится и сравнение исследуемых рассказов в плане типа конфликта. В нашей выборке рассказы, основанные на формах настоящего времени имеют тенденцию чаще выражать внутренний конфликт персонажа: 2 рассказа из 4 или 50 %, это те случаи, где

мы видим смену моделей отношений персонажей внутри одного хронотопа. В рассказах, основанных на формах прошедшего времени, доминирующим в 100 % случаев оказался внешний конфликт.

Далее обратим внимание на оценочные коннотации хронотопа, в котором в итоге оказываются главные герои. В рассказах, основанных на формах настоящего времени, итоговый хронотоп во всех случаях (100 %) был положительно окрашен. В рассказах, основанных на формах прошедшего времени, положительная коннотация обнаружена только в двух случаях из шести (33,3 %), отрицательная – в трех (50 %), в одном рассказе финальный хронотоп нейтрален.

Таким образом, можно вывести наиболее характерные черты хронотопа художественного текста, образуемого глагольными формами настоящего времени (по сравнению с хронотопами, образованными формами прошедшего времени). Чаще это психологический хронотоп, отображающий противостояние персонажей, либо единичного персонажа. Он может включать в себя изменение модели взаимоотношения персонажей. Хронотопы настоящего времени чаще встречаются в рассказах, где повествование ведется от первого лица, основанных на внутреннем конфликте главного героя. В рассказах, построенных на формах настоящего времени главный герой в итоге чаще избавляется от противостояния и оказывается в положительно окрашенном хронотопе, чем в рассказах, основанных на формах прошедшего времени. Обычно это является результатом глубокой внутренней работы, духовного роста, преодоления как внешних обстоятельств, так и внутренней душевной боли.

Проиллюстрируем сказанное на нескольких примерах. В приводимом анализе присутствуют оппозиции динамичность/статичность и линейность/цикличность, не упомянутые в статье. Дело в том, что никаких закономерностей распределения данных характеристик между хронотопами настоящего и прошедшего времени обнаружить не удалось. Однако для сохранения полноты анализа эти характеристики не изымались из примеров. В приводимых примерах подчеркнуты П-В маркеры.

П-В структура рассказа «Намтам» образуется тремя хронотопами настоящего времени, два из которых (*привычная жизнь героев и хаммам*) противопоставлены друг другу в плане динамичности/статичности, линейности/цикличности, оценочности и отношений между главными героями [4]. При этом набор героев остается одинаковым, и они перемещаются из одного хронотопа в другой. Схематично развитие действия в данном рассказе можно отобразить как [дин/лин (-) S vs. S] → [ст/цикл (+) S+S], где [] – границы одного хронотопа, → – направление развития действия, дин/лин и ст/цикл – основные характеристики хронотопов, (-) и (+) – их оценочные коннотации, S vs. S и S + S – модели отношений между субъектами.

Третий, психологический хронотоп *внутренний мир главной героини* является обрамляющим, как бы вбирает в себя первые два. Прагматическим содержанием П-В структуры является контраст двух противоположно марки-

рованных миров, представление динамичности, линейности и противостояния в первом хронотопе как отрицательных (*Just for two and a half minutes. I have to leave soon. Carmen arrives late. So far, Heather seems to hate Carmen; Carmen now sees she is just going to keep making it impossible*), а статичности, цикличности и единства во втором – как положительных (*the first time Carmen can remember her just fooling around; holding on to Carmen's arm briefly; taking Heather's hand; Heather moves in next to her; they totter over and sit down*). Прагматическая установка проявляется также в развитии действия, в движении героев из отрицательного хронотопа в положительный. Герои из стремительного современного западного мира попадают в традиционный восточный мир с его неторопливостью и задумчивостью (см. подробный анализ в [5]).

Схожую на первый взгляд П-В структуру имеет рассказ «Where I work», в котором обнаружено три циклических хронотопа настоящего времени ([циклический (-) S vs. S]/[циклический (-) S vs. S] } → [циклический (+) S]) [6]. При этом хронотопы *фабрика* и *город* имеют отрицательную коннотацию, что выражается негативной лексикой, повторами, параллельными конструкциями (**фабрика**: *where's that weasel? повтор фраз go forward and backward; now that's ruined; put it in your purse; be careful not to overshoot the pattern; город: In the Projects, a person can get shot and nobody is going to look for you. In the Projects, you can walk down one street, up another, a street without lights so you don't see the dirty yellow walls all alike, street after street, with dogs that'll chase you and black women who don't want you, and it smells like garbage in the Projects; повтор фразы keep your gun in the drawer by your bed*).

В отличие от рассказа «Намтам», здесь героиня находит спасение от рутины и напряженности *фабрики* и *города* в своем *внутреннем мире*, который тоже циклический, но имеет положительную коннотацию, что выражается в первую очередь лексикой (*In such a dream, go into a well. The bottom of the well is very smooth. Put your cheek against a rock. Reach your arm out. Touch the other side. Twirl in a circle. Put yourself in a blue well, and keep your eyes closed. Turn around and around until the fire stops*).

В рассказе «Salem» один хронотоп настоящего времени (*внутренний мир героя*) и один хронотоп прошедшего времени (*прошлое героя*) [7]. Первый является центральным хронотопом, это пример рассказа, где отношения персонажей меняются внутри одного хронотопа, а не при переходе из одного в другой ([статичный (-) S vs. S → динамичный (+) S]). Изначально этот хронотоп статичен, здесь преобладают повторяющиеся лексические единицы, в основном глаголы, с семантикой статики, неподвижности, оцепенения, нерешительности в форме настоящего неопределенного (*I sit now with a 24-year-old pack of Salem cigarettes before me; makes me sit and wait; now I sit and sit; they just lie without moving on the table top; I bend near and I wait and I watch; I am waiting; I look again; I sit back instead and look out my window and I wait*).

В конце рассказа наблюдаем переход к динамичным глаголам, хотя временная форма не меняется (*and I turn the pack of cigarettes over again and I take it into my hand and I gently pull open the cellophane and draw the picture out; and I shake out the half cigarette into my hand and I put it to my lips and I strike a match and I lift it to the edge that he has prepared and I light the cigarette and I draw the smoke inside me*). Полисиндетон, повтор и параллельные конструкции формируют ядро хронотопа и в первом и во втором случае, статичность и динамичность определяются здесь, прежде всего, семантикой глаголов и предложных сочетаний. Герой находит в себе силы посмотреть на свое прошлое, оценить последствия своих действий, примириться с бывшими врагами с одной стороны, и с голосом своей души – с другой, с тем фактом, что он сам под давлением обстоятельств зачастую терял человеческий облик.

Таким образом, согласно нашим наблюдениям, глагольные формы настоящего времени используются в художественных рассказах в первую очередь для отображения персонажей, которые не смиряются с имеющимся положением вещей, если оно их не устраивает. Они готовы действовать, и действуют здесь и сейчас, совершают переходы из отрицательного хронотопа в положительный, распутывают клубки психологических травм даже после многих лет душевной амнезии, ищут пути выхода в первую очередь в себе, не надеясь на помощь извне. Несмотря на неопределенность и тревожность, создаваемую формами настоящего времени, итоговый хронотоп в таких рассказах обычно положительно окрашен, что является чаще всего результатом масштабной внутренней работы главного героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – 3-е изд., стер. – М. : URSS, 2012. – 144 с.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб., 2000. – С. 9–194.
3. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М. : Высш. шк., 1979. – 219 с.
4. Anshaw, C. Hammam / C. Anshaw // The Best American Short Stories 1994 / ed. T. Wolff. – Boston ; N. Y., 1994. – P. 12–25.
5. Долженкова, О. М. Прагматическое содержание пространственно-временной структуры в художественном тексте / О. М. Долженкова // Соловьевские чтения – 2018 : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: А. В. Ломовая (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 228–236.
6. Cummins, A. Where I work / A. Cummins // The Best American Short Stories 1994 / ed. T. Wolff. – Boston ; N. Y., 1994. – P. 52–60.
7. Butler, R. O. Salem / R. O. Butler // The Best American Short Stories 1994 / ed. T. Wolff. – Boston ; N. Y., 1994. – P. 26–33.